

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ
АНДРЕЙ ФУРСОВ
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
ЛЕОНИД ИВАШОВ
ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ
АЛЕКСАНДР НАГОРНЫЙ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ

В СХВАТКЕ
С РОССИЕЙ

Коллекция Изборского клуба

Коллектив авторов

**Глобальные элиты
в схватке с Россией**

«Книжный мир»

2017

Коллектив авторов

Глобальные элиты в схватке с Россией / Коллектив авторов —
«Книжный мир», 2017 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-9909393-3-2

Эта книга как отрезвляющий душ для всех благодушных и равнодушных, надеющихся на авось. Ветер истории обрел ледяное дыхание, и авторы книги – ведущие аналитики, политики, экономисты России – великолепно донесли до читателя ощущение надвигающейся на мир катастрофы. Александр Проханов, Валентин Катасонов, Леонид Ивашов, Андрей Фурсов, Михаил Делягин, Александр Нагорный и другие авторы книги едины во мнении: современная цивилизация вступает в эпоху системного кризиса, который затрагивает все без исключения сферы её существования, все страны и регионы мира. Пока неизвестно, каким окажется выход из этого кризиса, существует ли он вообще, с какими катастрофами на этом пути придется столкнуться, и сможет ли выжить само человечество. Участники и эксперты Изборского клуба, чьи работы собраны в настоящем издании, не дают прогнозов на этот счёт – они проводят аудит наличных сил и средств как в метарегиональном, так и в глобальном аспектах, представляя читателям самостоятельно сделать выводы из представленных материалов.

ISBN 978-5-9909393-3-2

© Коллектив авторов, 2017
© Книжный мир, 2017

Содержание

Александр Проханов. Псалом Победы	6
Александр Нагорный, Владимир Винников, Шамиль Султанов.	12
Глобальные элиты: вчера, сегодня и завтра	
Постановка задачи	13
Что такое «элиты»?	16
Что такое глобальный системный кризис?	21
Глобальный кризис: выход там же, где был вход?	25
Власть и собственность: на пороге тотальной глобализации	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Андрей Фурсов, Михаил Делягин, Валентин
Катасонов, Леонид Ивашов, Александр
Проханов, Александр Нагорный и др
Глобальные элиты в схватке с Россией**

© Авторский коллектив, 2017

© Изборский клуб, 2017

© Книжный мир, 2017

Александр Проханов. Псалом Победы

Изборский клуб – это образование, сообщество и товарищество патриотических интеллектуалов, которые сошлись воедино для того, чтобы создать идеологическое поле, в котором рождается новое Государство Российское. Это представители разных направлений. Это левые и правые, красные и белые. Это ревнители красной советской империи. Это мечтатели о прошлой романовской империи. Это атеисты и представители церковных кругов – мусульмане и православные. Сюда входит Сергей Юрьевич Глазьев, советник президента Российской Федерации. Сюда входит лауреат Нобелевской премии Жорес Иванович Алферов. Тут известные журналисты – Максим Шевченко и Михаил Леонтьев, известный геополитик генерал Леонид Ивашов и епископ Тихон Шевкунов, всего чуть больше тридцати человек.

Мы собираемся время от времени, обсуждаем актуальные вопросы и спорим на разные темы, пишем доклады, издаем собственные журналы и много путешествуем. Смысл нашей деятельности в том, что мы стремимся набросать эскиз этой идеологической модели. Конечно, идеология государства не создается за зелёным ломберным столом или за круглыми столами. Она создается народом на полях сражений, в великих преобразованиях, великих переселениях. Но все-таки изначально эскизы этой идеологии возможны. И вот, разрабатывая этот эскиз, мы пришли к мысли, что традиционными русскими империями или государствами, или державами, как принято их называть теперь, является образование многонациональное, в которых множество народов, культур, верований, обычаев соединены симфонически, гармонически, образуют удивительное сочетание, удивительный синтез, дающий колоссальное преимущество каждому из составляющих этого множества народов и всей симфонии в целом.

Мы отвергли те либеральные представления, которые господствовали с 1991 года, согласно которым русская история – это сплошной тупик. А русский народ и народы нашей империи – это народы-неудачники. Что вся наша история вымощена плахами и виселицами. Что все наши князья, цари или вожди являются либо садистами, либо «дегенераторами».

Мы раскрыли красоту и величие нашей истории и самого Государства Российского, которое обеспечивало нам существование в тяжелейших условиях, которое обеспечивало нам цветение и победу над чудовищными напастями – будь то вражеское нашествие или внутренние неурядицы.

Если бы Россия была страной бездарных правителей, её бы не было. Мы бы не сложили эту великую империю с двенадцатью часовыми поясами. Были времена, когда во главе России стояли великие воители, великие вожди, великие стратеги. Поэтому нам и удалось создать эту великую империю и выиграть потрясающие войны. Но, в конце концов, ничто не вечно. Гениев и пророков сменяют серости и ничтожества. Так рухнула царская империя, так рухнул великий Советский Союз. Элита, захватившая власть в нашей стране после 1991 года, рассматривает Россию как добычу. Они не рассматривают нас как поле, где должен колоситься урожай. Для них мы – добыча. Надо рвать, мародёрствовать, сдирать с нас последнюю шкуру. Ведь в России – целый олигархический слой, который богатеет в период наших несчастий. Если предположить, что смысл их управления страной в том, чтобы они грабили, и набирали как можно больше, то они управляют блестяще. Они управляют страной, поверженной в 1991 году, так, чтобы набить свои карманы.

Если освободиться от иллюзий, надо перестать говорить о мученической доле дворянства в 1917 году, о мученической доли интеллигенции. Надо понять, что эти слои были ненавистны народу. Народ ненавидел царей, бояр, великих князей, их богатство. Они делали то же самое. Они обирали крестьян, собирали огромное состояние, ездили в Европу, кутили, прожигали жизнь, покупали себе поместья. И всё кончилось трагично. Но сегодняшняя элита забыла об этом. Она не ассоциирует себя с великими князьями, со светлейшими. А где инстинкт самосо-

хранения? Ведь считается, что человек – это очень чуткое существо. Мы же чувствуем какие-то опасности, грозящие нам беды. Мы предчувствуем наступление плохих для нас времён. Есть же симптоматика. Такое чувство, что они этого не ощущают. А может быть, ощущают. Я с некоторыми из них общался, например, во время «оранжевой революции» в Киеве, «болотных» протестов в Москве, когда казалось, что страна вот-вот будет захвачена. Как трепетали эти чиновники, готовые схватить чемоданы и уехать! Слава богу, что Болотную площадь переборола наша Поклонная гора. Мы тогда вышли и привели туда большое количество людей. Больше, чем на Болотной. И мы выиграли. А если бы этого не было? Какое было бы бегство мышей с корабля?

Эту элиту может сменить только президент. Или революция. Но президент не может просто так сказать: ты уходи, ты приходи. Элиту можно сменить в процессе изменения политического курса страны. Допустим, начнёт реализовываться долгожданный, обещанный Путиным, рывок. Рывок модернизации. Этот рывок потребует другой элиты. Той элиты, которая сможет осуществить эту модернизацию. Это технократы, военные, разведчики, патриотические писатели, патриотические деятели церкви. Они впрягутся в страну, и сдвинут её с мёртвой точки, и будет этот рывок.

Конечно, у президента есть обязательства перед элитами, которые привели его к власти, которые поддерживают его сегодня. Но и у Петра I были обязательства – однако он перешагнул через них. У Ивана Грозного были обязательства. У Сталина были обязательства. Если для тебя судьба Родины выше всего остального, выше твоих родных детей, то ты перешагнёшь через эти личные обязательства. Модернизация страны, в данном случае России – вещь жесткая. Ты к ней приступаешь, и забываешь о своей родне, себе самом, ночах и днях. Пусть твоё окошко светится днём и ночью в Кремле.

Проблема смены элит при российских модернизациях всегда была очень важна. Более того, модернизация всегда изначально предполагала слой, на который можно опереться. Он вначале бывал очень хрупким. Сама модернизация, подхваченная этим слоем, резко увеличивала его, вербовала людей, готовых воспринять эту модернизацию. Так было всегда в русской истории: от Ивана IV до Сталина. Так должно произойти и теперь. И я думаю, что Путин, если он не блефует и по-настоящему задумал развитие модернизации, должен всерьёз задуматься об элите.

Я вспоминаю, как несколько тысяч молодых людей съехались во Владимирскую губернию, на берега студёных озёр и рек, – для того, чтобы открыть новые смыслы жизни. Так они и назвали свою территорию – «Территория смыслов». Они хотели, чтобы я прочитал им лекцию. Я был поставлен в очень сложное положение, потому что я – не философ, не чревоугодник, я – писатель, художник, который прожил долгую жизнь, и видел эту жизнь в её расцветах, в её потрясениях, я прошёл множество войн, я видел великие стройки, я видел крушение Красной эры, Красной державы, видел становление нового государства. И вот эти мои открытия и очень индивидуальные специфические личные переживания будут ли им полезны, будут ли им интересны?

Это были молодые люди, которые составляют кадровый резерв российских политических партий: «медведей», коммунистов, «эсеров», ЛДПР. И все они хотят понять смыслы. К ним приезжают именитые политики, философы, мудрецы, читают им лекции, говорят о теориях права, о теориях исторического процесса. Они внимают этим лекциям, иногда одобряют, иногда захлопывают не понравившегося им оратора. А потом собираются на симпозиумы, дискуссионные клубы, спорят, ссорятся, предлагают друг другу свои политические проекты. И вот среди этих дискуссий, у них есть только одно незыблемое и неколебимое – это родина, это Россия. Там Россия превыше всего.

Я стал рассказывать им о государстве российском. Я стал рассказывать им, как это государство возрождается, и не спадает, как возникают черные дыры, и как из этих черных

дыр опять возникает новая форма нашей русской цивилизации. Настоящее чудо – наблюдать, как эти рождающиеся формы обретают свой плод, красоту, мощь, своих победителей, свои памятники архитектуры, свои научные и литературные школы. Я говорил им о державе как о той форме, в которой всегда существовало и существует государство российское, где каждый народ, каждый язык, каждая культура, каждая религия драгоценны. Без них немислима держава, и держава эта – симфония всех культур, народов и представлений. Я рассказывал им о том, как падала моя красная советская родина, и какой ужас я пережил от падения моего государства, моего красного царства. И как постепенно, среди моего отчаяния, среди моего уныния, стал опять брезжить свет нового государства российского.

Я говорил моим слушателям: не надо отчаиваться, не надо смотреть на сегодняшние недочеты, как на что-то незыблемое и порочащее нас, не надо отчаиваться, надо верить, ждать. И все, кто верил и ждал в эти десятилетия, они дождались Крыма. И Крым, как светоносное чудо, явился нам как награда.

Я завершил свое выступление и стал слушать вопросы. Вопросы открытые, резкие, иногда едкие, иногда наивные, иногда верящие, иногда исполненные ожидания и надежды на ответ, на глубокий и осмысленный ответ. Все эти вопросы исходили из молодой среды, очень свежей, очень искренней, которая являет собой прообраз нашей будущей элиты, наших законодателей, законодателей наших дум. Ибо кто эта элита, какая она сложится? Воспримет ли она от нынешней элиты ее недостатки, ее слабости, станет ли она подчинять свое будущее одним карьерным соображениям, использует ли она свою будущую власть для того, чтобы утвердиться над другими. А если у родины возникнут трудные времена, если наступит трудный, мучительный период сохранят ли они верность стране, не изменят ли ей?

Элита, думал я, элита – это та часть народа, которая берет на себя бремя формулировать для народа его исторический путь, его смыслы, его дерзания. Это элита способна в период великих перемен, в период великого напряжения возглавить народ в эти перемены, а в период трагедий народных пойти вместе со своим народом на бой, на муку, на жертву. Мне казалось, что эти люди будут такой элитой. Кем они будут? Я всматривался в их лица. Да, среди них есть те, кто станут лидерами партий, кто станут крупными политиками. Те, кто возглавит, может быть, крупные корпорации, среди них будут новые политические проектанты, новые известные политологи. И, наверное, среди этих людей, уже теперь здесь, в этом зале, есть тот, кто когда-нибудь станет лидером нашего государства. Так или иначе, это лучшие люди, кого собрала сегодня Россия на берега этих студеных рек.

Не я давал им урок, а они мне преподали урок. И я уезжал оттуда, исполненный веры, надежды и благодарности им за этот чудесный час нашего общения.

Не так давно на телевизионном ток-шоу один незадачливый поляк, пытаясь уязвить русское сознание, сказал, что у нас, русских, нет ничего, кроме Победы, что мы лишены и прошлого, и будущего, и Победа является для нас последним пристанищем.

А что, если бы христианину сказали, что у него, христианина, нет ничего, кроме Христа? Как бы он воспринял это заявление? Да ему и не нужно ничего, кроме Христа: ни богатства, ни славы, ни земель, ни времени, ни пространства. Христос для него – всё. Как жаль, что у этого поляка в его личной судьбе и в судьбе его народа не было Победы. Если бы у них был хоть один лепесток громадного цветка русской Победы, иначе сложилась бы их история, их судьба, и, быть может, в конце концов, у них появилось бы государство.

Победа – это сгусток огромных энергий. Если этот сгусток распечатывать и раскрывать, извлекая из него его таинственные формы и содержания, то получится грандиозное писание – такое же, как Библия.

В этой Библии описана экономика победы. В те предвоенные грозные годы, в надрыве, неся колоссальные траты и лишения, советский народ возводил авиационные и танковые заводы, открывал новые месторождения, создавал невиданное по своей мощи оружие. Строил

ту индустрию, в которой решения воплощались незамедлительно и доводились до конца – иногда ценою жизни их исполнителей. Такая мобилизационная экономика, насыщенная тысячами мгновенно возникших заводов, и обеспечила превосходство советских самолётов в небе, победу русских танков на Курской дуге и скорострельность русских дальнобойных орудий. В час несчастья, когда больше половины европейской России было залито коричневой краской нацизма, только такая экономика позволила из-под носа врага выхватить самые драгоценные заводы, станки, перенести их через Уральский хребет и там, в чистом поле наладить производство снарядов, самолётов и пушек.

В этой Библии описана социология победы. Это волшебное, мгновенно возникшее сочетание несочетаемого, сплав всевозможных составляющих, которые до войны враждовали, сражались друг с другом, не умея сложиться в великое целостное единство.

Во время войны во имя победы соединились раскулаченные крестьяне и комиссары, которые их раскулачивали. Зэки, которые тянули лямку в лагерях ГУЛАГа, и их конвойные. Бывшие дворяне-аристократы, что бежали вместе с Белой армией за кордон, и сталинские дивизии, сражавшиеся за Сталинград. Все соединились, сложились, все несли жертвы, все верили в ослепительную звезду Победы.

Возник народ Победы. До войны существовало множество наций, укладов, языков, культур, поведений, которые не сочетались друг с другом, представляя собой хаотичное турбулентное общество. Это общество пыталось соединить несоединимые идеологии, религии и культуры. После Победы, после того, как красное знамя вознеслось над рейхстагом, возник новый народ, в котором через Победу, через это сверхплотное огненное действие всё сочеталось в одну великую симфонию советского народа.

В этой Библии рассказывается об элите Победы. И речь не о детях и родственниках высокопоставленных советских чиновников, которые шли воевать наряду с крестьянами и рабочими, вместе с ними погибали на полях сражений. Речь даже не о сыновьях Сталина, один из которых был замучен в фашистском концлагере, а другой бесстрашно сражался в небе с фашистскими «мессерами». Речь – об особой элите, которая рождалась на полях сражений. Будь ты самым безвестным, никому не ведомым пареньком из русской глубинки, но соверши подвиг, сожги три танка или кинься в рукопашную и одолей врага – и ты сразу превращался в героя, твоё имя начинало сверкать на страницах газет, а грудь твою украшали ордена. Ты становился прославленным, лучшим. И через подвиг, через жертву входил в бессмертную элиту Победы.

Ослепителен вождь Победы. Без Сталина нет победы. Сталин был тот полководец, который задолго до войны уже знал о Победе, прозревал её бриллиантовые лучи. Он вёл к Победе народ сквозь муки коллективизации, надрыв индустриализации, непочатые труды по строительству государства и армии. Мы говорим «победа», а мыслим – народ и Сталин.

В этом священном писании рассказано о религии Победы. Победа для нашего народа – это больше, чем победа над военной машиной немцев. Больше, чем победа над захватчиками, желавшими перекодировать население Земли, над захватчиками, стремившимися изменить геостратегию Европы и всего мира. Религия Победы – это особое мирознание, которое возникло с первых дней войны, когда её нарекли войной священной. Священная война – это война, связанная со святынями. Она говорила о том, что битва шла за самое сокровенное, глубинное, за чудотворное свойство народа и мира.

С первых дней войны обнаружилась её таинственная метафизика, когда разверзлись чёрные дыры преисподней, из них вышли силы ада и кинулись всей своей грозной мощью на покорение мира, чтобы все остальные народы и люди оказались бы под пятой этой сатанинской силы. Против господства ада, против господства Содомы восстал рай, восстали ангелы и духи света. Этими ангелами и духами света был советский народ, были воины Красной Армии. Казалось, на небесах духи тьмы сражались с духами света. И этот страшный небесный бой

проецировался на землю битвой под Москвой, Сталинградской битвой, Курской дугой, десятью сталинскими ударами и последней – завершающей – Берлинской операцией, когда русские танки станцевали вальс на имперской канцелярии и завинтили, запечатали, загнали обратно в ад тёмные силы зла. Священный характер войны определил священность Победы. Сегодня, в XXI веке, когда в наше сознание возвращаются религиозные смыслы и представления, Победа видится священной, видится религиозным торжеством вселенского добра, красоты и величия. Миллионы советских людей, погибших в этой войне, были жертвой, которую принёс наш народ, чтобы запечатать адское зло. Эта жертва – поистине Христова. Все эти мученики: и убитые, и прошедшие сквозь горнило войны, – являются христовыми мучениками. Так говорит и мыслит о них сегодняшнее православие. Эти христовы мученики, будь они солдатами отдельных и взводов или батальонов и рот, или полков и дивизий, или армий и фронтов, будь это сам генералиссимус, – все они окрашены святостью, героизмом и мученичеством.

Сталинский синодик, в который внесены великие герои Отечественной войны: 28 гвардейцев-панфиловцев, Зоя Космодемьянская. Александр Матросов, Лиза Чайкина, Виктор Талалихин, Николай Гастелло, Дмитрий Карбышев, молодогвардейцы, – всё это были герои и святые красного времени. Но теперь, когда красная философия расширилась до религиозных христианских представлений, эти герои являются героями и мучениками религиозными, погибшими за Христа, за Победу. И недалёк тот час, когда все они будут прославлены нашей церковью как отдавшие свою жизнь за райские смыслы, за христовы ценности – за Иисуса Христа.

В Победе зарождалось солнечное человечество будущего. Пусть этому человечеству не дано было явиться на свет. Но раса солнечного человечества порождена священной войной и священной победой, и для всех поколений, родившихся и живущих после Победы, стало очевидно, что солнечное человечество возможно, что солнечному бессмертному человечеству Победой проложен путь, и по этому пути рано или поздно двинется род людской.

Священная война и Победа окончательно определили миссию русских людей. Миссия русского народа – непрерывно нести огромные жертвы, принимая на себя удары мирового зла и мировой тьмы. Эти страшные удары уносят из народных рядов лучшие жизни, влекут за собой неведомые остальному миру траты. Но ценой этих трат, этой жертвы, этого великого распятия добывается свет. Миссия русского народа – превращение мировой тьмы в мировой свет. Россия – это территория, где самые страшные и гниlostные отходы мировой истории превращаются в животворные энергии и силы солнца.

Русское оружие, победившее в священной войне, свято. Святость русского оружия, прошедшего через войну, перенеслась через множество поколений новых вооружений. Оно заложено и в современных «Искандерах», и в подводных лодках типа «Борей», и в бомбардировщиках СУ-34, и в баллистических ракетах, стоящих на боевом дежурстве в шахтах илидвигающихся по пространствам России.

Святость русского оружия подтверждена образами иконописной «тридцатьчетвёрки» или истребителя «Як», или «Катюши», или легендарного автомата ППШ. Эти образы и сегодня смотрятся как драгоценные символы иконописи Победы.

Знамя Победы – это высшая хоругвь, которую водружал на рейхстаге весь советский народ и все предшествующие поколения. И все самые древние дохристианские племена, и народы, населявшие нашу евразийскую Родину, выстрадали своё государство, выстрадали Победу. И они водрузили знамя своего государства, знамя своей евразийской империи среди развалин чужого враждебного мира.

Знамя Победы – это та хоругвь, что уцелела в чудовищном горниле перестройки. За эти годы были истреблены и разрушены все символы, на которых зиждилось советское государство. И оно рухнуло. Не была истреблена только Победа. Её оплёвывали, в неё стреляли, её оскверняли, её рвали на части. Но обугленная, осквернённая, пробитая пулями Победа переко-

чевала через 1991 год в наше время и спасла государство российское. Знамя Победы было перенесено через эту страшную линию фронта. И окровавленный народ, народ-подранок, перейдя через роковую черту, упав на землю, достал с груди и развернул это пробитое, окровавленное знамя Победы. И от знамени Победы родилось новое государство российское.

Победа – это не календарное событие, не эпохальное явление, не смысловая категория. Победа – это всё! Это такой грандиозный сгусток всего сущего, что если на какую-нибудь мёртвую планету, где отсутствует жизнь, брызнуть несколько капель Победы, то из этих капель родится великое государство, великая цивилизация, родится всё мироздание, потому что Победа – это полнота, это целостность, это совокупность всего сущего. Победа – это Вселенная, это Христос.

Эти мысли я испытал, находясь 9 мая на Красной площади, этой каменной иконе России, куда въезжали наши величественные танки, над которой с рёвом проносились наши серебристые бомбовозы, где маршировали наши отважные шеренги. А над ними пламенело, как божественный цветок, алое знамя Победы.

Александр Нагорный, Владимир Винников, Шамиль Султанов. Глобальные элиты: вчера, сегодня и завтра

Доклад Изборскому клубу

Постановка задачи

Человеческая цивилизация в начале XXI века вплотную подошла к фундаментальному повороту практически во всех сферах своей жизни и деятельности. По многим объективным признакам, мир входит в совершенно новую стадию развития, которая на иных основах будет формировать глобальный способ человеческого бытия, в том числе – производства/потребления.

В рамках этих важнейших процессов происходит (а возможно – и уже произошёл) своеобразный разрыв, когда экономика и финансы различных национальных государств набирают силу и получают всё большую автономию на фоне сохранения политического и военно-политического доминирования «коллективного Запада» во главе с США, которое было достигнуто вследствие слома социалистической системы и уничтожения Советского Союза в 1991 г. Вторая тенденция связана с тем, что появление таких новых «центров силы» оказывается принципиально несовместимым с «однополярным» Pax Americana. Процесс перехода к многополярности задаётся такими крупнейшими державами современности, как КНР, Индия, Бразилия, Индонезия, а также Иран и Пакистан. Особую роль играет при этом Россия, которая, несмотря на крах СССР, сохранила второй, после США, военно-стратегический потенциал.

Данный процесс реализуется в форме крупномасштабного столкновения двух фундаментально разных политических подходов к будущей структуре мира. С одной стороны, это продолжение и укрепления американо-англосаксонской гегемонии с формированием единого мирового правительства, которое сконцентрирует под собой практически все мировые ресурсы и потенциалы. С другой стороны, это утрата США и «коллективным Западом» их «глобального лидерства», вызванная внутренней неустойчивостью и бесперспективностью системы «однополярного мира».

Если сравнивать нынешнее политическое положение человечества с его состоянием, например, полвека тому назад, то, помимо очевидных идейных, политических и социально-экономических изменений, произошедших за это время, следует в первую очередь отметить, что мир накануне 2016 года – вовсе не тот, каким ожидали увидеть его в 1965 или же в 1991 гг. В известной мере политическая неопределенность не только не уменьшилась, а радикальным образом возросла, поскольку «темнее всего перед рассветом». Технологический прогресс практически по всем направлениям, характерный для конца XIX – первой половины XX веков меняется на новые направления на определенных «фронтах развития» при одновременном сохранении и даже усилении темпов продвижения на ряде других: например, в сферах информатики, связи и биотехнологий (в спектре от «генной инженерии» до медицины).

Более того, нынешний мир оказывается в целом не только менее развитым, менее справедливым и более конфликтным, чем ожидалось, а во многих отношениях – и даже чем было в 1965 году. Он явно утратил надежду на лучшее будущее и находится в состоянии системного цивилизационного кризиса, который касается не каких-то отдельных регионов планеты, а всего человечества в целом.

Почему это произошло? Какую «точку бифуркации», где и когда мир «проскочил», сделав неверный выбор? Неизбежна ли грядущая катастрофа, есть ли возможность её избежать, и если есть – то каким образом? Все эти и многие другие вопросы неразрывно связаны с вопросом о том, является ли нынешняя кризисная ситуация следствием состояния мировых национальных и глобальных элит и как следствие их незнания действительности («концепция неадекватности»), или же, напротив, результатом реализации определенной стратегии действий со стороны некоей части человечества, которой было и остается выгодным именно такое развитие событий («концепция заговора»), – иными словами, в какой мере управляемым и в какой мере стихийным является течение социально-исторических процессов?

Видимо, без ответа на этот вопрос окажется затруднительным, если вообще возможным дать ответ и на все остальные. Целью данного доклада является определение вероятного «пространства поисков» такого ответа.

В культурной традиции человечества хорошо известна притча о зернах на шахматной доске. Согласно этой притче, изобретатель шахматной игры в ответ на обещание правителя дать ему любую награду попросил за первую клетку доски заплатить одно зерно пшеницы, за вторую – два, за третью – четыре и т. д., удваивая количество зёрен на каждой следующей клетке. Как оказалось, для вознаграждения мудреца не хватило бы ни запасов правителя, ни собранного за всю историю человечества зерна – его общая масса на 64 клетках должна была составить около 1200 триллионов тонн!

Обычно данную притчу приводят либо как доказательство «неисчерпаемости» игры в шахматы (что уже не соответствует действительности, поскольку данная игра стала «счётной задачей» для новейших компьютерных программ), либо в качестве наглядной иллюстрации математического понятия геометрической прогрессии как экспоненциального процесса. Однако из неё следуют и куда менее очевидные выводы – впрочем, тоже давно и безусловно сделанные.

Одним из них является «стратегия второй половины шахматной доски», предложенная американским футурологом Рэймондом Курцвейлом (Raymond Kurzweil), основанная на ограничении «пространства роста». По его подсчетам, на первые 32 клетки пришлось бы выложить всего 260 тонн пшеницы – тоже немало, больше четырех железнодорожных вагонов, но вполне посильно даже для незадачливого правителя. Вывод из этого очевидного факта прост – «не следует заходить на вторую половину шахматной доски», по возможности ограничивая экспоненциальные процессы во времени и пространстве. Таков парадоксальный вывод характерный по всей видимости интеллектуальной группы американо-аглосаксонской элиты.

Видимо, нет смысла указывать на и без того очевидную переключку данной стратегии со знаменитым докладом Римского клуба «Пределы роста», датированного 1972 годом. Приведём другие расчёты, связанные уже не с пшеничными зёрнами, а с деньгами.

Итак, предположим, что две тысячи лет назад, во времена императора Тиберия, некий человек вложил в некий банк один серебряный римский сестерций (примерный эквивалент нынешних 10 долларов США) под 5 % годовых. Спрашивается, сколько денег оказалось бы на его счету сегодня? Наверное, вы уже не удивитесь тому, что в собственности наследников этого человека оказалась бы вся нынешняя Земля. Данная гипотетическая ситуация частично обыграна еще Гербертом Уэллсом (Herbert Wells) в его романе «Когда Спящий проснётся» (1899).

Уже отсюда ясно, что «пространство роста» не является бесконечным и ограничено даже не «первой половиной шахматной доски» мировой истории, а гораздо меньшей её частью.

Отечественный историк Лев Гумилёв отводил этносам и их элитам значительную роль. Он считал главными акторами человеческой истории, примерно 750–800 лет «жизни»: от начала «пассионарного толчка» до завершения «инерционной фазы». Также ни одна правящая династия мира на том или ином отрезке мировой истории в прямой «наследственной лестнице» не существовала более 700 лет. Между тем подобная теория опровергается и китайской политической цивилизацией, да и многими другими историческими примерами.

Уже из этих положений понятно, что история по каким-то причинам «не заходит на вторую половину доски», и если «концепция заговора» отвечает действительности, то разве что на весьма недолгих отрезках человеческой истории: так это было в прошлом, так это есть в настоящем и так это, судя по всему, окажется и в будущем – если только на смену homo sapiens не придут какие-то иные разумные общественные существа (роботы, киборги, «электронные личности», генно-модифицированные организмы и т. д.). Но в этом случае история просто перестанет быть человеческой историей. Пока же «не будем измышлять сущности сверх необходимости».

Из этого общего вывода вытекает более частный, но куда более важный для целей настоящего доклада и последующих исследований вывод: человечество зашло в нынешний кризисный тупик вовсе не только и не столько по чьей-то непреодолимой и злой воле, а вполне «объективно», «спонтанно» и «хаотически», как это чаще всего и бывает с «большими системами».

Следовательно, и главные задачи, стоящие сегодня перед человечеством, можно сформулировать следующим образом:

- предотвратить глобальную катастрофу;
- минимизировать текущие потери в ходе глобального кризиса;
- найти новую «траекторию развития» человеческой цивилизации.

Вернее, это даже не три разные задачи, а одна триединая задача – проект, для реализации которого пока очевидно не существует адекватного субъекта, – ни в масштабе всей планеты, ни в масштабе каких-либо государств или межгосударственных объединений.

Может ли такой нынешний субъект, «социальный запрос» относительно которого уже сформирован, появиться в ближайшем будущем на исторической арене, на «Великой шахматной доске», говоря словами Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski), на пространстве мировой истории?

Ex nihilo nihil («Из ничего ничто [не возникает]») – гласит древний латинский афоризм. Любой видимо новый и ранее не существовавший социально-исторический субъект, актер глобальной истории, всегда возникает в процессе взаимодействия и развития уже существующих субъектов, изменяя объект-субъект-проектное триединство любого человеческого сообщества. Поэтому важнейшим и первичным условием системно-динамической оценки (по схеме «анализ-синтез-прогноз») является «аудит» существующего положения дел.

С интересующей нас точки зрения субъектами мировой истории в настоящее время выступают два тесно связанных между собой, но принципиально различных класса акторов, которые традиционно определяются как 1) суверенные государства, а также их объединения, и 2) транснациональные корпорации (ТНК). Принято считать, что первые из них возникли на несколько веков или даже тысячелетий раньше, чем вторые. Но – ничто не вечно под луной, и при более внимательном рассмотрении оказывается, что, например, те же «мировые религии» (буддизм, христианство, ислам), да и не совсем «мировые» (иудаизм, зороастризм, конфуцианство и т. д.) вполне подпадают под ключевые характеристики «транснациональных корпораций», хотя они «производили» и «производят» вовсе не продовольствие, автомобили или компьютеры, а системы ценностей, нормы поведения и прочий «идеальный продукт».

Более того, рассматривая оба класса этих исторических акторов, мы неизбежно находим сходство их внутреннего системного и структурного устройства, тех связей между их элементами и «узлами», которые позволяют говорить об общности, целостности и единстве данных акторов, отделяя их как от других акторов, так и от «вмещающего ландшафта», то есть от взаимодействий с объектным миром.

Важнейшим качеством такого устройства данных человеческих сообществ является анизотропность их внутреннего пространства, из внутрисубъектных взаимодействий и коммуникаций, обычно определяемых термином «иерархия».

Иными словами, в каждом системном субъекте подобного (и даже более низкого) уровня можно выделить своего рода «субъект субъекта», «внутренний субъект», который управляет «внешним субъектом» и в современном дискурсе, как правило, описывается термином «элиты».

Поэтому нам необходимо определиться, во-первых, с тем, что такое «элиты», во-вторых – с тем, что такое глобальный системный кризис, и, в-третьих – как они соотносятся друг с другом.

Что такое «элиты»?

Если обратиться к происхождению данного термина, то он окажется восходящим к латинскому *ēligo, lēgī, lēctum, ere*: 1) выдёргивать, удалять, полоть, вынимать; 2) вырывать с корнем, искоренять; 3) выбирать, избирать; действовать с разбором, быть разборчивым, – родственному таким словам, как «легитимность», «легирование», «электорат», «лекция» и многим другим, с общим значением «избранности», «улучшения». В недавнем прошлом данный термин широко применялся к объектам человеческой деятельности: элитными назывались сорта растений и вин, породы животных, лучшие товары и услуги, etc.

В общественные науки вхождение термина «элита» началось примерно с конца XIX века в связи с триумфальным распространением среди научного сообщества теории биологической эволюции Чарльза Дарвина (Charles Darwin), главные положения которой тут же были перенесены, в том числе, и на развитие человеческого общества (крайней формой чего явился пресловутый социал-дарвинизм, в рамках которого развивались и первые «теории элит» Гаэтано Моска (Gaetano Mosca), Вильфреда Парето (Vilfredo Pareto) и др.). По-видимому, это произошло прежде всего благодаря осуществленному Дарвином «снятию» вопроса о субъекте самого процесса «элитаризации»: ведь если законы природы, в том числе – законы живой природы, ведут к «естественному отбору» самых приспособленных к меняющимся условиям выживания и в этом смысле «лучших» растений и животных, то к аналогичным результатам относительно человеческих сообществ могут и должны вести столь же объективные законы истории. В результате чего внутри таких сообществ с течением времени проявляется и развивается социальное неравенство, аналогичное анизотропии отношений внутри биологических сообществ.

Теории элит оказали гигантское воздействие на социально-политическое развитие человечества в первой половине XX столетия. Во всяком случае, именно «партии нового типа», от РСДРП(б) – ВКП(б) до НСДАП, сочетавшие проектность жесткой нормативной идеологии со столь же жесткой массовой субъектностью, выступали в качестве главных исторических акторов в период между двумя мировыми войнами. Эти партии также можно рассматривать как своего рода транснациональные корпорации с упором на «свою» суверенную государственную структуру (СССР как «родину для трудящихся всего мира» у большевиков, Третий Рейх – как «родину для арийцев всего мира» у нацистов).

В данной связи следует отдельно и особо подчеркнуть, что популярное ныне во всем мире отождествление сталинского Советского Союза и гитлеровского Третьего Рейха как двух «тоталитарных диктатур» не имеет ничего общего с действительностью: они были полярно противоположными и по своей идеологии, и, соответственно, по своим проектам. С тем же успехом на основании почти полного внешнего сходства можно «отождествлять», например, дельфинов с ихтиозаврами, хотя на самом деле эти животные относятся к разным биологическим классам: млекопитающим – в первом случае и пресмыкающимся (рептилиям) – во втором. А сходство между ними вызвано так называемой конвергентной эволюцией, то есть приспособлением к одинаковой среде обитания.

Причем, если продолжать данную аналогию, то в условиях крупного машинного производства «тоталитарный» политический фенотип был одним из наиболее эффективных, но далеко не единственно возможным, – точно так же, как моря и океаны населяют не только организмы рыбообразной формы. Когда крупное машинное производство с социально-экономической точки зрения исчерпало свой внутренний потенциал развития, «партии нового типа» ушли с первого плана мировой политической арены. А на смену им пришли другие формы организации общества и, соответственно, общественной «элиты». Точно так же, как на смену феодальной аристократии в свое время приходила промышленная и финансовая буржуазия

(что, в общем-то, привело не к полному уничтожению первой в качестве элитной части соответствующих обществ, но к её трансформации).

Новый толчок изучению «элит» как социального феномена дала не столько этология (наука о поведении животных) или психология, сколько кибернетика (термин Норберта Винера (Norbert Wiener)), бурное развитие которой в 40-е-70-е годы прошлого века было вызвано как раз потребностями перехода от крупного машинного к гибкому мелкосерийному производству в рамках всей человеческой цивилизации. Помимо создания роботизированных станков, речь шла об автоматическом управлении целыми технологическими линиями, отраслями производства и даже национальными экономиками в целом. В данной связи можно указать, например, на проект общегосударственной автоматизированной системы управления (ОГАС), разработанный советским академиком Виктором Глушковым еще в 1965 году, но отклоненный советской правящей элитой якобы из-за дороговизны, а на самом деле – из-за опасений относительно собственного статуса в обществе и объема властных полномочий (что лежало в основе и печально знаменитой кампании начала 50-х годов против кибернетики как «лженауки»).

Именно развитие кибернетики как науки о закономерностях общих закономерностях получения, хранения, передачи и преобразования информации внутри сложных систем и между ними, привело к созданию нынешней инфосферы современного человечества: и в плане создания её материально-технологической базы (процессоры, оптико-волоконные сети, программное обеспечение и т. д.), и в плане изменения коммуникативного наполнения самих человеческих сообществ (что, пожалуй, не менее, а даже более важно, чем объём памяти и быстрдействие самих компьютеров).

Точно так же достижения кибернетики были использованы при создании теории больших систем («теории хаоса»), в рамках которой феномен социальной элиты выступает в качестве «аттрактора» (носителя объект-субъект-проектного триединства) такой большой системы, как человеческое сообщество.

Если характеризовать феномен «элиты» с точки зрения её «функционала», то есть тех функций, которые она выполняет в обществе, то они могут быть принципиально выражены одним словом: «управление». Управление является особым типом коммуникации между людьми как элементами человеческого сообщества. При этом, вследствие особенностей коммуникативного потенциала вида *Homo sapiens*, максимальное отношение элиты как «высшего слоя управления», «управления управлением» к человеческому сообществу в целом не может превышать 1/57 (1,7 %), как «управляющего слоя» или «среднего класса» – 1/8 (12,5 %), а минимальное «пространство» – или, привычнее говоря, «объём» – человеческого сообщества, в котором принципиально может возникнуть «элита» в качестве особого социального феномена, должно составлять около 900 тысяч человек социально активного населения. Соответственно, «элитный минимум» составляет около 16 тысяч человек. Только в этом случае можно говорить об «элите» как особом социальном феномене внутри «большой системы» человеческого сообщества. Опять же, эти системные ограничения касаются только человеческих сообществ в их «традиционном», «чисто человеческом» виде.

Элита возникает, самоосознает себя, институционализируется и развивается как элита по мере вызревания и совершенствования, как минимум, трех своих основных атрибутов или качеств.

Во-первых, своего рода «точкой сборки» любой элиты является некая особая аксиология, система ценностей, задающих и структурирующих систему действий, «этос» и самой элиты как «внутреннего субъекта», и её общества в целом как «внешнего субъекта», а также их взаимодействие в рамках субъект-объект-проектного единства.

Вариантов подобной аксиологии существует примерно столько же, сколько исторических вариантов человеческих сообществ. Однако их «проектным ядром» выступают, как правило,

всего три основные идеи, «в чистом виде», или в комбинации между собой: идея порядка (справедливости), идея развития (прогресса) и идея свободы.

При этом в сфере идеологии налицо та же самая ситуация, что и с любым делом, которое, как известно, можно сделать дешево, качественно и быстро – но только по двум позициям из трех. Если дешево и качественно – то не быстро. Если дешево и быстро – то некачественно. А если качественно и быстро – то не дешево.

Точно так же идея свободы, например, хорошо совместима и с идеей порядка, и с идеей развития. Но – не с ними обеими сразу. То есть легко совместить идею свободы с идеей порядка – но в ущерб идее развития. Точно так же легко совместить идею свободы с идеей развития – но в ущерб идее порядка. И, разумеется, можно совместить идею порядка с идеей развития – но в ущерб идее свободы. Совместить же три эти идеи сразу: не только на практике, но даже в теории, – не удавалось еще ни в одном человеческом сообществе: «третью лишнюю» идею приходилось либо «выносить» за рамки этого мира и человеческой жизни (в религиозных концепциях), либо «менять имена» в соответствии с «новоязом» Джорджа Оруэлла (George Orwell), выдавая за проявления идей свободы, прогресса или порядка феномены совершенно иного рода.

Данное ограничение является столь же объективным, сколь объективны, например, законы механики, но, в отличие от них, пока не основанным на какой-либо рациональной гипотезе. При этом лишь весьма ограниченные в своем «функционале» и лишённые внутреннего «аргументала» человеческие сообщества и их элиты способны полагать себя умнее и «переднее» всех, а самые фундаментальные религиозные догматы, проверенные опытом тысячелетий, – напротив, чем-то далеким от современности, «отсталым» и не имеющим никакого значения. Для остальных же сам факт выхода на эти «дорожные знаки» свидетельствует, по крайней мере, о том, что «здесь и сейчас» запросто можно попасть в ДТП – возможно, с катастрофическим и даже со смертельным исходом – и вести себя надо уже по-другому. Как писали братья Стругацкие в романе «Жук в муравейнике»? «Нам разрешается слыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одно не разрешается: недооценить опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился чёрт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах».

Как бы то ни было, первая и важнейшая функция элиты – она является носителем особой системы ценностей, определяющей фундаментальные качества данного человеческого сообщества и его взаимодействия с окружающим миром.

Второй важнейшей чертой элиты как «внутреннего субъекта» человеческого сообщества является то, что она является носителем не только его аксиологии, но и его «проекта», проекции данной аксиологии из прошлого через настоящее в будущее. И наоборот, осуществляя «связь времен» внутри данного сообщества, являясь верхушкой «стоячей волны» (солитона, «монады») данного сообщества, бегущей по «морю истории».

Представители элиты абсолютно убеждены, что они, их сообщество не случайно существуют здесь и сейчас, что у них есть особая, уникальная миссия, которая обязательно должна быть выполнена. Отсюда вытекает внутренняя ответственность элиты за существование своего сообщества перед лицом любых внешних и внутренних угроз, рисков и вызовов. Что, в свою очередь, требует высокого уровня реактивности, прогностичности и энергетики элит: как собственной, так и направленной вовне, в общество и через него – во внешний мир. В этом отношении сходство любых – даже самых различных, прямо противоположных и ведущих между собой войну не на жизнь, а на смерть – «элит» чрезвычайно велико.

Вот, например «коммунист» Максим Горький:

«А вы на Земле проживёте

*как черви слепые живут,
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!»*

Вот – «империалист» Редьярд Киплинг (Rudyard Kipling):

*«Несите бремя белых,
сумейте все стерпеть,
сумейте даже гордость
и стыд преодолеть».*

А вот – «нацист» Ганс Бауман (Hans Baumann):

*«Пушкай обыватели лают,
Нам слушать их бредни смешно.
Пушкай континенты пылают,
А мы победим всё равно».*

В данном отношении важна как внутренняя энергетика «элит», так и её способность к повышению уровня и «плотности» энергетики «своих» сообществ и управлению этой энергетикой. При этом высшей степенью ответственности и, говоря терминами того же Льва Гумилёва, «пассионарности» элит можно считать её готовность к самопожертвованию во имя своей аксиологии. Это «ценностное ядро» имеет для мировосприятия действительной элиты настолько выдающееся, предельное, абсолютное иерархическое значение, по сравнению с которым даже дилемма жизни и смерти отходит на второй план. Как вдохновенно описал эту ситуацию Эзра Паунд (Ezra Pound): «Если ты не готов умереть за свои идеалы, то либо твои идеалы ничего не стоят, либо ты сам ничего не стоишь».

Наконец, третьей важнейшей чертой феномена «элиты» является обладание объектным управлением общества – реализуемым через отношения власти и собственности, в свою очередь, подверженные как количественным, так и качественным трансформациям вследствие объективных изменений самого общества, других обществ и внешнего мира как «вмещающего ландшафта». Подробнее отношения власти и собственности изложены в приложении к настоящему докладу.

Поэтому «элиты» представляют собой, с исторической точки зрения, чрезвычайно многообразный и весьма изменчивый феномен. Они могут быть уничтожены вместе с соответствующим человеческим сообществом – например, в результате природных катастроф, конфликтов с другими сообществами. Они могут быть «переформатированы» вследствие тех же конфликтов, внешних и внутренних, если в их результате происходит объединение находившихся в состоянии конфликта сообществ или, наоборот, разъединение ранее целостного сообщества, или же трансформация данного сообщества в силу объективных причин (например – вследствие индустриализации с перераспределением объектного ресурса власти и собственности) и т. д.

«Элитные» конфликты внутри человеческих сообществ связаны со сменой «элит» эволюционным либо революционным путём. При этом «новые элиты», как правило, не обладают каким-либо одним из ресурсов «элит» устоявшихся, традиционных: либо системой ценностей, либо «проектом», либо властью и собственностью внутри данного общества, а поэтому выступают в качестве «контр-элиты» или «анти-элиты», «восполняющей» данный ресурс в режиме

конфликта. Одним из проявлений такого «режима конфликта» элит является и нынешний глобальный системный кризис человеческой цивилизации.

Что такое глобальный системный кризис?

О системном кризисе человеческой цивилизации речь идёт уже достаточно давно, чуть ли не сто с лишним лет, с момента начала Первой мировой войны, завершившей «длинный» XIX век (1789–1914) и поставившей жирный крест на идее непрерывного и всестороннего прогресса человечества. Весьма характерно, что само по себе это развитие продолжало оставаться непрерывным и всесторонним еще добрые полвека, практически до испытания 30 октября 1961 года в СССР «царь-бомбы», получившей неофициальное имя «кузькина мать», и Карибского кризиса 1962 года, когда стало ясно, что третьей мировой войны в термоядерном эквиваленте не переживет ни человечество, ни планета Земля. Именно достигнутая технологически возможность самоуничтожения человеческой цивилизации заставила задуматься не только о «мирном сосуществовании двух социально-политических систем», но также – о возможности управления человечеством как единым глобальным сообществом (по крайней мере – в режиме согласования действий наиболее влиятельных и сильных государств, что предусматривалось еще при создании в 1945 году Организации Объединенных Наций и её Совета Безопасности). От пресловутого «хрущевского ботинка» на заседании 15-й Генеральной ассамблеи ООН 12 октября 1960 года до подписания Женевского меморандума о взаимопонимании между СССР и США 20 июня 1963 года с восстановлением «горячей линии» между Кремлем и Белым домом прошло меньше трех лет, в которые, помимо испытания «царь-бомбы» и Карибского кризиса, уместился также выход человека в космос (полёт Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года) и создание межконтинентальных (с дальностью полета свыше 10000 км) баллистических ракет.

Однако датой начала эпохи глобализации стоит считать такую «реперную точку», как смыкание первого «мирового кольца» оптико-волоконной связи у Владивостока 30 августа 1994 года. После чего, собственно, все информационные (в том числе – и финансовые) потоки приобрели нынешнее глобальное качество: наподобие того, как гелий при температуре 4,2°К приобретает качество сверхпроводимости.

Если в 1995 году Интернетом пользовалось 16 миллионов человек, в 2000-м – 361 миллион, в 2005-м – 1018 миллионов, в 2010-м – 2011 миллионов, к 2013 году – свыше 2,4 миллиарда, а в конце 2015 года их численность достигла 3,5 миллиардов, приблизившись к половине населения Земли. Распространение этого нового типа коммуникации уже привело к образованию нового типа человеческих сообществ, который, по аналогии с «демосом», можно назвать «нетосом» (от английского слова net, «сеть»). Нетос можно определить как новый тип социальной, социальной организации и социальной идентификации, по совокупности своих параметров вполне сопоставимый с идентификацией этнической.

Количество людей, которые проводят в Мировой Сети больше половины времени своей жизни (т. е. более 12 часов в сутки), непрерывно растет. Интернет-зависимостью, по данным психиатров, страдают до 10 % ее пользователей, то есть сегодня это примерно 350–400 млн. человек. И это не удивительно. Ведь Мировая Сеть, подобно Солярису Станислава Лема (Stanisław Lem), в любой момент продуцирует образы и модели реальности на любой вкус: от «киберсекса» до киберспорта, от Wikipedia до WikiLeaks. Шедевры мирового кинематографа и лучшие записи лучших певцов мира, возможность прямого, «в режиме реального времени», общения с любым другим пользователем глобального Интернета, практически весь корпус мировой литературы и «виртуальные путешествия» по городам мира, разного рода сетевые игры и интернет-шоппинг, – всё это не просто реальность. Всё это – реальность уже доступная и достаточно широко распространенная.

И она начинает приобретать неожиданные и даже непредставимые ранее качественные черты.

Хакерские атаки, в которых участвуют тысячи и десятки тысяч «инфицированных» специальными вирусными программами компьютеров по всему миру.

«Фишинг» и «троллинг» в социальных сетях, способный привести их жертвы к самым настоящим разорению или самоубийству.

Многочисленные и даже многомиллиардные махинации с персональными данными держателей электронных банковских карт, участников социальных сетей и т. д.

Флешмобы, от «безобидных» арт-проектов с несколькими участниками до многотысячных толп на центральных площадях государственных столиц, свергающих правительства, как это было, например, в ходе множества «цветных революций», от Египта до Украины.

«Анонимусы» в масках Гая Фокса.

Универсальный язык «смайликов» и «мемов».

От самых популярных сетевых проектов с миллионами пользователей уже не так далеко до создания сетевых квазирелигий...

Разделение жизненного пространства и времени на «реал» и «виртуал», на режимы «онлайн» и «оффлайн» оказывается вовсе не абсолютным и даже не обязательным. Соответственно, внутри «нетоса» формируются собственные элиты («топ-блогеры» и т. д.), которые, в свою очередь, создают новый властный институт, уже получивший название «нетократии».

И это – лишь одно объективное последствие процесса глобализации как проявления роста производительных сил человеческого общества. Разумеется, результативно «бороться» с ним можно лишь одним-единственным путем: всячески помогая развитию такой глобализации.

Однако, наряду с объективным процессом глобализации существует и «глобализация» как попытка определенных общественно-политических сил Запада, прежде всего в США, монополизировать управление данным процессом в своих интересах и для достижения собственных целей.

Механизмы такой монополизации даже изначально были весьма многочисленными, изощренными и системными. В данной связи достаточно упомянуть о том, что всем хорошо известный и ставший символом «глобального человечества» интернет, изменивший все коммуникативные системы, создавался по заказу Пентагона и до сих пор имеет «закрытый» сверхскоростной сегмент, который может использоваться исключительно военно-политическими структурами США – в то время как «открытый» сегмент интернета во многом находится под непрерывным мониторингом их серверов, именуемых в просторечии «ботами ЦРУ».

То же самое касается новейших трактовок так называемого «авторского права» (включая «международное авторское право») способствующих монополизации и отчуждению определенных категорий идеального продукта с установлением монопольно высоких цен на них (например, программное обеспечение, аудио – и видеопродукция и т. д.).

«Бегство от кризиса», занявшее весь «короткий» XX век (1914–1991), «век войн и революций», после уничтожения Советского Союза как альтернативного «коллективному Западу» общецивилизационного проекта, стало «бегством к кризису». «Первая волна» этого кризиса прошла уже в 1997–1998 году по «периферийным рынкам» Юго-Восточной Азии и России. В 2001 году под прикрытием «теракта и сентября» состоялся фактический государственный переворот в США, а еще через семь лет, в ночь с 14 на 15 сентября 2008 года, произошло банкротство банка Lehman Brothers, после которого началась «вторая волна» финансово-экономического кризиса, затронувшая уже все сегменты мировой экономики.

Заявленный в 1991 году Фрэнсисом Фукуямой «конец истории» в рамках глобального торжества «либерального» проекта «коллективного Запада» (отражавший его «делку с дьяволом», описанную в «Фаусте» Гёте: «Остановись, мгновенье!») стал обретать неожиданные и весьма угрожающие черты.

До того о различных аспектах глобального кризиса человеческой цивилизации: демографическом, энергетическом, экологическом, продовольственном и т. п., – специалисты могли рассуждать десятилетиями без всякой реакции, или же с весьма избирательной, селективной реакцией (например, печально известная история «озоновых дыр», устранившая дешевые «фреоновые» технологии охлаждения) со стороны так называемого «общественного мнения».

Все вместе и вдруг почувствовали глобальность этого кризиса только после того, как их ударили по карману: долларом, евро, рублем, фунтом стерлингов, иеной или юанем – неважно. И если до того неудачи «либерально-рыночных реформ» в тех или иных «развивающихся» странах можно было списывать на те или иные их внутренние несовершенства, не позволяющие воспроизвести либо даже приблизиться к идеалу, воплощенному «коллективным Западом» во главе с США, то после 2008 года стало ясно, что данный идеал принципиально недостижим, что «развитые страны» «первого мира» могут оставаться «сияющим градом на холме» только за счет сверхэксплуатации «развивающихся стран», которым в перспективе уготована участь failed states, а их населению – «недочеловеков», обслуживающих своей жизнью и смертью процветание пресловутого «золотого миллиарда». Более того, под вопрос было поставлено и само «процветание» в рамках действующей глобальной «либерально-монетаристской» финансово-экономической модели, основанной на неограниченном использовании доллара США в качестве средства международных расчётов.

Что, в свою очередь, привело к экспоненциальному росту выраженных в долларовом эквиваленте финансовых инструментов. В 1994 г. мировой валовой продукт составлял, согласно оценкам известного экономиста Ангуса Мэддисона (Angus Maddison), всего и трлн. долл., а мировая денежная масса (агрегат L) – около 70 трлн. долл. В 2005 г. МВП достиг примерно 30 трлн. долл., а совокупная долларовая масса – уже 450 трлн. долл. Т. е. только за период 1994–2005 гг. на каждый доллар стоимости реально произведенного товара или услуг было напечатано 19 «бумажных» долларов. По итогам «предкризисного» 2007 года Банк международных расчетов (BIS) давал цифры соответственно 32 трлн. долл. МВП и 530 трлн. долл. L.

«Кризисная волна» 2008–2009 гг. привела к незначительной коррекции данного дисбаланса, однако начатая ФРС и другими эмиссионными центрами политика «количественного смягчения» привела к тому, что по итогам 2014 г. МВП (по паритету покупательной способности) оценивается уже в 108–109 трлн. долл., а агрегат L – в заоблачные 3,5–4 квадриллиона(!) долларов.

Каким же образом удалось в объективно ограниченный объём мировой экономики «закачать» такую гигантскую денежную массу?

В самой простой для понимания форме ответить на этот вопрос можно следующим образом. Начиная с 1971 года, когда была де-факто отменена привязка доллара США к золотому эквиваленту, мировая финансово-экономическая система начала жить в долг у собственного будущего, с помощью фьючерсов и других «дериватов» активно монетизируя будущие активы: неполученную прибыль, недобытую нефть, непостроенные дома, несобранные автомобили и так далее, – вплоть до несостоявшихся природных катастроф и прочих страховых случаев.

Если лозунг классической рыночной экономики в целом звучал как Time is money! («Время – деньги!»), то лозунг так называемой глобализации должен звучать как Future is money! («Будущее – деньги!»). Но сегодня этот «резерв будущего» выбран практически до «горизонта событий», который по определению не может превышать 20–25 лет, то есть времени максимальной социальной активности одного поколения. В бизнесе давно существует показатель «капитализация/прибыль» (P/E), нормальные значения которого, в зависимости от качества актива, определяются в диапазоне от 5 до 10. В настоящее время в целом по миру данный показатель превышает 16, на фондовом рынке США он равен 19,6, а по ряду некоторых «венчурных» акций уходит за 1000. В результате можно сказать, что лишь 1 из 20–25

номинальных долларов обеспечен реальными активами, и эта «вавилонская башня» не может не рухнуть под собственной тяжестью уже в самое ближайшее время.

Причем грядущая катастрофа будет носить не просто социально-экономический и военно-политический характер, как это было, например, после кризисов конца XIX – начала XX столетий, или после Великой Депрессии 30-х годов. Для характеристики нынешнего глобального кризиса многие эксперты используют термины «суперпозиция кризисов» или «кризис-матрешка» (Андрей Фурсов). По сути, речь идёт о необходимости смены всего способа бытия, с которым человечество в своей истории сталкивалось всего лишь однажды и очень давно – 10–9 тысяч лет назад, в ходе пресловутой «неолитической революции», когда произошел сначала «точечный», а затем и почти повсеместный переход от охоты и собирательства к земледелию и животноводству.

Глобальный кризис: выход там же, где был вход?

Поскольку основная часть денежной массы уже обслуживает будущие сделки, то феномен денег приобретает – или, вернее, высвобождает из материальных и энергетических оболочек – свою внутреннюю информационную природу: поскольку будущее для нас реально ровно настолько, насколько реальна информация о нем. А информация – это идеальный продукт, продукт идеального производства. О существовании такого особого идеального (духовного) производства, кажется, впервые было упомянуто еще в 1848 году, в «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству».

Однако впоследствии актуальный марксизм почти полностью сосредоточился на изучении законов материального, экономического производства, оставив изучение законов производства идеального «буржуазной» науке и «на потом». Вероятно, в условиях второй половины XIX – начала XX века, когда материальное производство занимало доминирующее положение в мировой экономике, это было вполне оправданным, хотя и неосознанным шагом. Однако в современных условиях, когда производство так называемых услуг, под которыми понимается прежде всего производство идеального продукта, составляет от 60 % до 80 % экономики самых развитых стран мира, делать вид, будто производство-потребление угля и стали ничем не отличается от производства-потребления информации, как минимум, странно.

Эпоха преимущественно материального производства, она же «эпоха пирамид», она же эпоха «неолита» в широком смысле, завершена. В эту эпоху человечество научилось добывать из земли металлические руды, уголь и «каменное масло» – нефть, научилось плавить и обрабатывать металлы, создало письменность, научилось использовать атомную и термоядерную энергию, вышло в ближайший космос и расшифровало структуру собственного генома. Всё это имеет непосредственное отношение к нашему будущему, но вовсе не определяет его. На наших глазах происходит цивилизационный переход, который, по аналогии с предшествующими эпохами, можно назвать «ноолитической революцией», связанной с переходом от эпохи «неолита» к эпохе «ноолита» – тех «умных камней», которые составляют материальную основу компьютерной цивилизации, цивилизации преимущественно идеального производства, и описаны в ветхозаветной книге пророка Даниила как последнее земное царство, «частью из глины, частью из железа».

Нельзя утверждать категорически, однако не исключено, что при этом господствующей общественно-политической формацией на нашей планете окажется вовсе не предсказанный марксистами «коммунизм» и не предсказанное либералами царство «новых кочевников», а – «по диалектической спирали» – «старый добрый» рабовладельческий строй, только основанный на эксплуатации уже не физических сил человека, что было характерно для «классического» рабовладения, а на эксплуатации его интеллектуальных и душевных сил, создающих основной объём потребляемых сегодня человеческими сообществами благ. И более того, победа «новой цивилизационной матрицы» под эгидой идеологии, выработанной в США в конце XX и начале XXI веков означает в конечном итоге движение к уничтожению биологической цивилизации *Homo sapiens* и переход в эпоху «искусственного разума». Таков смысл главной идеологической задачи высшего эшелона американской суперэлиты.

С этой точки зрения, в России в ходе «потерянного тридцатилетия» «перестройки» и «рыночных реформ» фактически произошла узурпация политической власти одним слоем производителей идеального продукта, а именно управленческой информации, – тем слоем, который мы сегодня называем бюрократией. Остальные производители идеального: ученые,

писатели, художники, учителя, инженеры и т. д., – за редчайшими, единичными исключениями, оказались полностью лишены власти и собственности. Что мгновенно сказалось в исторически беспрецедентной деградации всей социально-экономической структуры нашей страны, но одновременно создало объективные условия для нового цивилизационного прорыва.

Уничтожение СССР и возглавляемой им «мировой системы социализма» было не только, говоря словами Путина, «крупнейшей геополитической катастрофой XX века» – оно было еще и крупнейшей проектной катастрофой, «первым толчком» нынешнего глобального системного кризиса. В уничтожении «красного проекта» оказались, в конце концов, заинтересованы не только его стратегические внешние противники, но и его собственная высшая политико-идеологическая «элита» (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин и др.) в то время как большая часть элитных слоев КПСС и партхозаппарата были просто введены в тотальное заблуждение посулами «улучшения» социалистической системы и кардинального роста благосостояния населения. Важно отметить и тот факт, что в процессе дальнейшего уничтожения социалистической системы при Ельцине после 1991 г. были включены гораздо более крупные и объёмные группы советской «элиты» (красные директора, силовые структуры, региональные управленцы, деятели искусства и культуры). Все они в той или иной мере были вовлечены в раздел и приватизацию собственности, что привело к кардинальной смене их идеологической и политической ориентации.

Судьба СССР прямо указывает на необходимость прекращения узурпации власти и собственности производителями управленческой информации, которой можно достичь только усилиями других производителей идеального продукта, что имеет историческую аналогию в восстаниях плебеев Древнего Рима, по итогам которых они получили гражданские права и свободы, чего не имело ни одно другое рабовладельческое общество того периода и что стало основой «тысячелетнего» Pax Romana.

Тем «элитам», которые смогут обеспечить в рамках «своих» сообществ максимальное развитие так называемой «свободы творчества», то есть сверхпроизводительного, творческого труда широких масс населения нашей страны с созданием необходимого материального и социального обеспечения этого процесса, удастся выйти за рамки нынешнего «неолитического общества», совершив «ноолитическую революцию», одним из следствий которой станет и форсированный переход к новому глобальному технологическому укладу. Будем надеяться, что подобный переход рано или поздно в формате какого-либо из актуальных человеческих сообществ все-таки удастся, что человечество не исчезнет с лица Земли и не будет отброшено назад на несколько веков или даже тысячелетий. И в этих условиях «отставание» России может оказаться не только злом, но благом – потому что цивилизация современного западного типа уже в достаточной мере показала, что является всего лишь «слепым поводырем слепых».

Всё ещё актуальное «глобальное лидерство» США и транснациональной финансово-экономической верхушки заключается прежде всего в том, что через финансовое «участие» и прямое силовое давление они контролируют сегодня около 60 % мировых авуаров. И никаких качественных изменений здесь не предвидится, вернее – вероятность такого «превращения Савла в Павла» исчезающе мала.

Именно поэтому «коллективный Запад» во главе с США последние полвека уделяет огромное внимание трансформации и подчинению себе любых глобальных, региональных и национальных элит. В этом плане фундаментальным исключением, противостоящим англосаксонской глобальной элите является прежде всего коммунистический Китай и, до определенной степени, – возможно, крупная буржуазия Индии, размеры которой требуют автономного движения в историческом процессе.

Однако, говоря известными сталинскими словами: «Если мы не двинемся своим путем, нас сомнут».

Власть и собственность: на пороге тотальной глобализации

Именно институты собственности и власти, связывающие для человека и человеческого сообщества воедино понятия «быть» и «иметь», могут считаться объективным фундаментом «теории элит». Как известно, отношения собственности: владение, распоряжение и пользование, – опосредуют собой отношения власти («владение» и «власть» – однокоренные слова). Поэтому не стоит рассматривать социальный институт собственности исключительно как экономический институт, а институт власти – как институт исключительно политический. Институт собственности имеет политическое измерение, а институт власти – измерение экономическое. При этом если институт собственности обеспечивает доступ к неким определенным материальным и жизненным благам субъекту-собственнику и ограничивает доступ к ним субъектам-несобственникам, то институт власти точно так же обеспечивает такой доступ субъекту-властителю и ограничивает/регулирует его для подвластных субъектов. В этом смысле, действительно, любая собственность есть кража у других, а любая власть есть несвобода для других. В то же время собственность есть кража у самого себя, а власть – несвобода для самого себя, поскольку и то, и другое неизбежно ограничено и в пространстве, и во времени, и в объеме получаемых благ.

Мы говорим об институтах власти и собственности с точки зрения принципа свободы только потому, что в современном мире из трех фундаментальных принципов бытия человеческих сообществ: свободы, справедливости и прогресса, – идея свободы явно господствует над двумя другими. Более того – активно ведется деятельность по снятию с данного принципа всех и всяческих внешних и внутренних системных ограничений: в диапазоне от «свободы выбора» и «свободы обогащения» до «сексуальной свободы» и «свободы от смерти», то есть личного бессмертия человека. Точно так же можно было бы говорить о тех же самых институтах с точки зрения принципов справедливости и/или прогресса, но в актуальных условиях необходимо прежде всего показать имманентные противоречия господствующей концепции.

Влиятельный американский историк и политолог Ричард Пайпс (Richard Pipes) посвятил обоснованию данной концепции целое исследование: «Собственность и свобода» (Alfred A. Knopf, New York, 1999; рус. пер. – М.: Московская школа политических исследований, 2001), – эпиграфом для которой избрал слова А. Н. Уилсона: «Собственность никогда не упраздняялась и никогда не будет упразднена. Вопрос лишь в том, кто обладает ею. И самая справедливая из всех когда-либо придуманных систем та, которая делает обладателями собственности скорее всех, чем никого». При этом сам Р. Пайпс зачастую ставит в некотором роде знак равенства между понятиями частной собственности и собственности вообще, а также – между личной свободой и свободой как таковой. Он пишет: «Представление о взаимосвязанности собственности и свободы едва ли ново – оно родилось в XVII и стало общим местом в XVIII веке, – но, насколько я знаю, никто прежде не пытался показать эту взаимосвязь на историческом материале... Моя исходная гипотеза состояла в том, что общественные гарантии собственности и личной свободы тесно взаимосвязаны: если собственность в каком-то виде еще и возможна без свободы, то обратное немыслимо». И далее: «Ни о «владении», ни о «собственности» вопрос не возникал, поскольку отличительная черта и того, и другого: право отодвинуть в сторону прочих – приобретает смысл лишь в условиях тесноты и порождаемого ею соперничества в борьбе за ограниченные ресурсы... Утверждение прав собственности может сменяться отказом от них, если предмет обладания перестает быть редким или востребованным».

Итак, институты собственности и власти возникают как следствие объективной ограниченности процессов социального производства-потребления необходимых для существования человека и общества жизненных благ (продовольствия, жилья, одежды, средств передвижения

и защиты, образования, здравоохранения и т. д.). «Элитой» общества в данном случае выступают те его элементы (личности и группы), которые решающим образом влияют на функционирование данных институтов внутри данного общества и на их взаимодействие с другими обществами. Следовательно, «элиты» в самом общем случае следует рассматривать как «референтную группу», управляющую критической массой коммуникативных актов а) внутри данного сообщества и б) между данным сообществом и другими сообществами.

Рассматривая одиночный простой коммуникативный акт, мы можем выделить в его структуре три взаимодействующих фактора: «передатчик» («источник»), «приемник» («реципиент») и «смысловое поле», к которому обращаются и «передатчик», и «приемник» данного коммуникативного акта. То есть «диалог» как таковой – это абстракция, помимо двух непосредственных участников коммуникативного акта, в нем неизбежно участвует и «иное» третье. При этом в полноценном и равноправном акте коммуникации «смысловое поле» должно быть одинаково доступно и для «передатчика», и для «приемника». Если же это условие не соблюдается, мы имеем дело с неравноправной, анизотропной коммуникацией, при котором, в зависимости от ситуации, либо «приемник», либо «передатчик» выступает в качестве части данного «смыслового поля». Самый понятный пример такой анизотропности – коммуникативный акт между учителем и учеником, в котором первый всегда выступает в качестве носителя «смыслового (и даже ценностного) поля» для второго.

Именно по степени соотнесенности участников коммуникативного акта со «смысловым полем» и по степени сакрализации самого «смыслового поля» можно различать элиты «тоталитарные», «аристократические» и «демократические». В первом случае мы наблюдаем практически полное отождествление «элиты» со «смысловым полем» своей общности («Государство – это я» Людовика XIV), во втором – различные степени частичного отождествления с таким «смысловым полем» (или даже – просто различные степени соответствия его ценностному сегменту), в третьем – формальное равенство всех участников коммуникативного акта по отношению к его «смысловому полю». В данной связи также следует заметить, что само «смысловое поле» не является застывшим абсолютом, но, как правило, изменяется вместе с порождающим его сообществом.

В современном человеческом сообществе, переживающем, как отмечено выше, системный цивилизационный кризис, высшей ценностью глобального «смыслового поля» признано как раз понятие «демократии», специфическим образом соединяющее институты власти и собственности.

В английском академическом словаре политических терминов говорится: «Широко распространившийся поворот к демократии как подходящей форме для организации политической жизни насчитывает меньше сотни лет. В дополнение – в то время, как многие государства сегодня могут быть демократическими, история их политических институтов раскрывает хрупкость и уязвимость демократических образований... Демократия возникла в интенсивных социальных битвах и часто в этих битвах приносится в жертву... Слово «демократия» вошло в английский язык в XVI веке из французского *democratie*; это слово – греческого происхождения, произошло от «*δημοκρατία*», корневые значения которого – «демос» (народ) и «кратос» (право). Демократия относится к форме правления, в которой, в отличие от монархий и аристократий, правит народ. Она влечет за собой государство, в котором имеется *некоторая форма политического равенства среди людей* (выделено авторами). Но признать это – еще не значит сказать очень много. Поскольку не только история идеи демократии, отмеченная конфликтующими интерпретациями, но Греческие, Римские понятия и понятия Просвещения, среди других, перемешиваются, чтобы произвести двусмысленные и непоследовательные трактовки ключевых терминов демократии сегодня: характер «правления», коннотации «править посредством» и значения «народ»».

Разумеется, речь здесь идет не столько о различиях формы прямой демократии античных полисов и современной представительной демократии, сколько о различиях концептуальных, связанных с самим существом демократических принципов. Известный американский культуролог и лингвист Ноам Хомски (Noam Chomsky) в своей работе «Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda» (1997) пишет по этому поводу следующее: «Позвольте мне начать с противопоставления двух различных концепций демократии. Первая гласит, что граждане в демократическом обществе обладают средствами, позволяющими в некотором туманном смысле участвовать в управлении общественными делами, а массовая информация открыта и свободна. Если вы заглянете в словарь, то наверняка найдете определение вроде этого.

А по альтернативной концепции широкая общественность должна быть отстранена от управления, а средства массовой информации пристально и жестко контролироваться. Эта концепция может казаться маргинальной, но важно понять, что в действительности именно она превалирует не только на практике, но даже в теории. История демократических революций, восходящая к первым революциям XVII века в Англии, выражает именно эту точку зрения». И далее Хомски, характеризуя взгляды «короля американской прессы» начала XX века Уолтера Липпмана (Walter Lippmann), отмечает, что «по его (Липпмана. – авт.) выражению, интересы народа часто противостоят интересам общества в целом... Только немногочисленная элита, интеллектуальное сообщество... может понять интересы общества. Это мнение с историей в сотни лет. Это также типично ленинское мнение. Сходство с ленинской концепцией очень близкое – также предполагалось, что авангард интеллектуалов-революционеров захватит государственную власть, используя народную революцию в качестве двигателя, а затем поведет глупые массы к будущему, которое эти массы даже не могут себе вообразить».

Хомски утверждает, что именно такая модель легла в основу и советского, и нацистского, и современного западного общества, где за ней закрепилось название «либеральной демократии» (У. Липпман говорил о «прогрессивной демократии»). Именно данным обстоятельством он объясняет факт, что представители «интеллектуального сообщества» способны с легкостью менять свои внешние политические позиции, поскольку у этих вроде бы противостоящих друг другу систем «элитарной демократии» одна общая мировоззренческая суть. О том, что концепция Ноама Хомски основана не на пустом месте и во многом адекватна реальности, может свидетельствовать хотя бы этапная книга уже упомянутого выше Збигнева Бжезинского (Zbigniew Brzezinski) «Между двумя эпохами» («Between Two Ages», 1970), уже в названии которой зафиксирован переживаемый тогда переломный момент мирового развития. Не исключено, что Бжезинский, оказывавший и продолжающий оказывать сильное влияние на американскую политику, первым сформулировал тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: «создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов». Им были также впервые выдвинуты публично соответствующие социальные и политические ориентиры:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.